Дмитрий Громов

«Мы не оппозиция, а народ»: новые черты уличного политического акционизма

Начиная с сентября 2005 г. автор данной статьи проводил исследование уличных акций молодежных политизированных групп. В начале 2012 г., по окончании очередного выборного цикла, это исследование предполагалось закончить. Ввиду общего спада политической активности мы не ожидали ничего нового и интересного; в памяти были свежи события декабря 2007 г., когда оппозиционная акция, посвященная нелигитимности парламентских выборов, смогла собрать со всей Москвы всего лишь около пятидесяти человек [Траурный гимн 2007]. Скорее всего, ничего непредвиденного не ожидали и политики: достаточно вспомнить, что акция 10 декабря, впоследствии вылившаяся в массовый митинг на Болотной площади, первоначально была заявлена на 300 человек — на большую явку ее организаторы не рассчитывали.

То, что произошло впоследствии, кардинально изменило наше представление о российском уличном акционизме. Во-первых, с конца 1980-х — начала 1990-х гг. таких массовых акций не проводилось. Во-вторых, не проводилось массовых акций с подобной системой мобилизации участников. Строго говоря, к массовым можно отнести и акции движения «Наши», собиравшие, по отчетам их организаторов,

Дмитрий Вячеславович Громов
Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва
gromovdv@mail.ru

до 70 тыс. человек, но они организовывались благодаря особой системе стимулирования (далеко не обязательно материального), основанной на потребностях юношеского возраста [Громов 2009]. Митинги на Болотной площади и проспекте Сахарова не имели такой мотивационной основы; в целом они представляли собой, перефразируя поэта, «свободный протест свободно собравшихся людей».

Далее мы рассмотрим, чем отличались протестные митинги в Москве в декабре 2011 г. от уже ставших традиционными форм политического акционизма, а также какие традиции они сохранили.

Восстание новичков. Обычно уличные акции организуются участниками политических организаций с привлечением сочувствующих, как правило, имеющих опыт уличных действий. Напротив, на протестные акции декабря 2011 г., начиная с митинга на Чистых прудах (5 декабря), выходили преимущественно новички, причем не состоявшие в каких-либо организациях. На малую численность организованных участников указывает более чем скромный масштаб мероприятий, проведенных отдельными политическими организациями самостоятельно. Как мы уже говорили, первоначально митинг 10 декабря рассчитывался всего на 300 человек (столько планировала выставить либеральная организация «Солидарность»), а митинг националистов 11 декабря на Болотной площади собрал 250–300 человек [Националисты 2011]. В этой связи представляется реальной цифра, указанная в одной из статей данной подборки: о членстве в каких-либо политических организациях сообщили только 12 % участников митинга 24 декабря [Соколова и др. 2012: 131, табл. 4]. Специфика собравшихся масс была еще и в том, что у них не было однозначных лидеров[1].

Таким образом, рассматриваемые нами мероприятия являлись выступлением новичков, не имевших опыта уличных акций. И это, как мы покажем далее, во многом обусловило характер декабрьских митингов.

Показательна реакция на митинг 10 декабря некоторых «профессионалов» акционизма: о своем неучастии заявила арт-группа «Война», а Э. Лимонов произнес фразу «У меня украли революцию» [Мимимитинг 2011] и не присутствовал ни на Болотной площади, ни на проспекте Сахарова. Предполагаем,

[1] Политические деятели, выступавшие с трибуны, судя по данным социологического опроса [Левада-Центр 2011], особого авторитета у собравшихся не имели, за исключением не состоящего в политических организациях А. Навального (36 %) и либерала Г. Явлинского (27 %). Наибольшим доверием у собравшихся пользовались далекие от политики деятели культуры Л. Парфенов (41 %), Б. Акунин (35 %), Ю. Шевчук (33 %).

что мастера, привыкшие быть на острие акции, неуютно чувствовали себя в больших массах неорганизованных, неопытных людей, которые, несмотря на свое неофитство, «переигрывали» их уже благодаря своей многочисленности.

Один из показателей адаптации неопытных граждан к роли уличных активистов — повышенный интерес к инструкциям, наблюдавшийся за несколько дней до митинга на Болотной. Инструкции содержали указания, как вести себя при обстреле, газовой атаке, схватке с ОМОНом, задержании и т.д. Нам кажется, что повышенный интерес к инструкциям связан не только с канализацией тревожности перед акцией и тягой к конструированию экстремальности, но и с таким неоднократно отмечавшимся феноменом, как повышенный интерес к субкультурной символике у новичков [Щепанская 1993: 144]. Не имея еще достаточных признаков «своих», новички компенсируют это подчеркнутым использованием внешней символики и демонстративным поведением; с приобретением опыта это проходит.

Показательно, что и у участников акций этот интерес прошел быстро: новички осознали, «как это на самом деле», и перед следующей акцией вели себя более адекватно. Конечно, этому способствовал и бесконфликтный характер митинга 10 декабря.

От увеличения численности — к повышению легитимности. Многие оппозиционные акции, состоявшиеся в Москве в последние годы, проходили при пристальном внимании полиции (милиции); иногда создавалось впечатление, что сотрудников правоохранительных органов больше, чем участников. Акции проводились с соблюдением заранее согласованных условий, любое отступление от них воспринималось полицией как нарушение и приводило к конфликтам. Совсем иначе обстояло дело во время рассматриваемых нами массовых акций. Полиции было мало, и она вела себя более чем тактично. Во время одного из эпизодов митинга 24 декабря ведущие даже искали полицейских, обращаясь к ним со сцены. Отклонения от заявленного формата также воспринимались спокойно: 10 декабря полиция мирно пропустила шествие от площади Революции до Болотной. Причина лояльности правоохранительных органов видится нам не только в технической сложности обуздания больших масс людей. Она также в том, что чем выше численность участников акции, тем более эта акция легитимна: массовость протеста ограничивает моральное право его подавления.

Манипуляции с численностью. О размахе и представительности уличной акции говорит прежде всего количество ее участников.

Ввиду этого постоянно наблюдается разница в оценке численности участников оппозиционных акций: организаторы называют завышенные цифры, а правоохранительные органы — заниженные. В случае с митингами 10 и 24 декабря мы постарались выяснить, насколько велик сбой оценки с обеих сторон.

В ходе митинга на Болотной площади, рассчитанного, согласно заявке, на 30 тыс. человек, ведущий, со ссылкой на оценку полиции, называл поочередно число участников 70, 100 и 150 тыс. человек. В итоге официальная оценка организаторов составила 100 тыс. [Митинг на Болотной 2011]. В новостной программе Первого канала, со ссылкой опять же на оценку полиции, было сказано о 24 тыс. участников.

Для собственной оценки мы на фотоснимке Болотной площади, сделанном из космоса (снимок Google), выделили зоны митинга разной заполняемости[1]; для этого были использованы, в частности, снимки гексакоптера фирмы «Ридус»[2]. На пространстве около сцены (около 4 тыс. кв. м) плотность заполнения максимальная — три человека на кв. м; для других участков был принят понижающий коэффициент. С учетом ротации общую численность мы оценили в 30 тыс. человек; корректирующие замечания участников митинга были в сторону повышения, но незначительного. Таким образом, выяснилось, что оценки полиции оказались более точными, чем оценки организаторов.

В отношении митинга 24 декабря оценки численности участников также сильно разнились. Оценка МВД на 15:20 составляла 29 тыс. человек [Число 2011], организаторы со сцены сообщали о 120 тыс. человек. Журналисты «Новой газеты», подсчитывавшие людей, проходивших через рамки металлоискателя, назвали число в 102 тыс. [102 тысячи 2011]. Ввиду значительно большего, чем на Болотной, пространства акции и высокой мобильности участников мы не смогли провести самостоятельный подсчет. Однако по сходной методологии была составлена модель подсчета РИА-Новости, которая позволила дать оценку в 55,2 тыс. человек [Инженер-геодезист 2011]. Так или иначе, можно сказать, что организаторы обоих митингов были склонны завышать численность участников, что позволяло создавать более мощный информационный посыл. Представители полиции занижали показатели. Простым участникам митинга собственную оценку численности дать было трудно, субъективно она стремилась к завышению.

---

1 См.: <http://gromovdv.livejournal.com/166140.html>.

2 См.: <http://www.ridus.ru/news/14365>.

Отметим также, что при всей неточности информации о количестве митингующих сопоставление данных об акциях 5, 10, 24 декабря и прогноза на акцию 4 февраля [Левада-Центр 2011; ВЦИОМ 2011][1] позволяет заключить, что масса протестующих накапливается по принципу «снежного кома»: участники каждой предыдущей акции почти в том же составе выходили на следующую, к ним прибавлялись новички. Похоже, такая тенденция сохранится.

Пространство. И на Болотной площади, и на проспекте Сахарова пространство митинга было значительно вытянуто, что во многом обусловливало его неоднородность. На Болотной неоднородность обеспечивалась еще и плохим качеством аппаратуры (вдалеке от сцены выступающих просто не было слышно), на проспекте Сахарова этот вопрос был решен установкой нескольких видеоэкранов. В целом можно предположить, что возле сцены собирались люди, ориентированные на получение политической информации, а вдалеке располагались желающие «потусоваться». По крайней мере участники политических организаций старались находиться недалеко от сцены, о чем можно судить по скоплению там флагов.

На ил. 1 представлен митинг 24 декабря, снятый с высоты, от сцены [24 декабря 2011]. По скоплениям флагов и транспарантов можно определить местонахождение политизированных групп. «Имперские» цвета (черный, желтый, белый) — ультраправые, красный цвет — коммунисты, оранжевый — либералы «Солидарности». Бóльшая часть пространства не имеет цветовой идентификации, здесь собрались те, кто вне организаций.

Формально основным и дополнительными центрами пространства акции 24 декабря были сцена и экраны, на которых шла трансляция. Но в действительности понятие центра как источника событийной информации было условным; центр был как бы распылен за счет активной самопрезентации рядовых участников митинга. Каждый, кто держал плакат, делал инсталляцию или устраивал перформанс, мог временно перетянуть внимание на себя и стать локальным центром пространства.

Вытянутость зоны проведения акции частично компенсировалась передвижением участников: те владельцы плакатов, которые стремились быть максимально замеченными, перемещались к сцене, особенно на последнем этапе митинга, когда становилось просторнее.

---

[1] Также см. данные в статье: [Соколова и др. 2012: 131, табл. 4].

Волонтеры. Реальное или мнимое использование политическими движениями финансовых и административных ресурсов — одна из ключевых тем информационной борьбы. Организаторы либерально-демократических акций традиционно обвиняются оппонентами в получении помощи со стороны Запада. В декабре 2011 г. такие обвинения неоднократно высказывал В.В. Путин. Так склонна считать и часть общественности. По данным Левада-Центра, на вопрос «Согласны ли вы с мнением, что нынешние оппозиционные силы в России существуют в основном на средства из-за рубежа и следуют инструкциям западных политтехнологов?» ответили «определенно да» 11 % и «скорее да» — 20 % россиян. О массовых акциях против фальсификации выборов, которые в это время проходили в стране, 23 % опрошенных сказали, что они «проплачены США» [Россияне 2011].

Не беремся судить, из каких источников поступили пожертвования в размере 4 млн руб., на которые был проведен митинг 24 декабря [Митинг 24 декабря 2011]; допускаем даже, что некоторая часть участников получила материальную выгоду. Однако эта часть крайне мала: очередной раз хочется напомнить о трех сотнях участников, на которые был изначально рассчитан митинг 10 декабря. Если именно на такую численность планировалась крупнейшая протестная акция, то количество активистов, рассчитывавших «что-то получить», составляло не более ста человек. Подавляющее большинство даже не задумывалось о деньгах, и поэтому утверждение В.В. Путина о том, что «людям, которые вышли на площадь, <...> даже денежки небольшие платили» [Стенограмма 2011], воспринималось ими с иронией и вызывало множество шуток.

Нововведением митинга на проспекте Сахарова стали волонтеры. Ранее на уличных акциях волонтеров не наблюдалось; в качестве исключения можно указать разве что «дружинников», помогавших полиции преимущественно на мероприятиях коммунистической направленности. Набор добровольцев и координация их усилий осуществлялись через специальные интернет-сообщества. Волонтеры раздавали атрибутику, убирали мусор, занимались подсчетом участников, производили запись в общественную организацию наблюдателей и пр.

Большую роль волонтеры сыграли в стилистической унификации участников митинга. Создание единого стиля в одежде — прием, использующийся при организации массовых мероприятий (широко применялся, например, во время Оранжевой революции 2004 г. и в акциях движения «Наши»). В данном случае элементом стилистической унификации являлись предметы белого цвета (иногда с надписями) — ленточки, значки,

шарики, цветы, а также свистки, тематические значки и пр. (ил. 2).

Структура изобразительного ряда. Ярким нововведением митинга стали самодельные плакаты. Люди с самодельными плакатами на акциях встречались и раньше, однако почти все они были пожилыми. Молодежь делала плакаты и транспаранты только коллективно (например, шеренга с плакатами часто использовалась во время шествий молодых коммунистов), случаи индивидуального самовыражения были очень редки.

В ходе митинга 24 декабря четверо исследователей: М.Д. Алексеевский, М.В. Ахметова, А.Б. Мороз и автор этой статьи — зафиксировали около 600 плакатов и арт-объектов (значков, наклеек, нашивок на одежде и др.; в выборку не входят флаги организаций), однако это далеко не полное собрание изобразительного творчества протестующих. Сравнивая наши материалы с фотографиями, выложенными в Интернете, мы можем предположить, что общее количество объектов составляет около 1100–1200 штук[1]. Кроме плакатов использовались и другие формы самопрезентации: инсталляции, оригинальная одежда, костюмированные перформансы, хэппенинги и др. (ил. 3).

Рассмотрим структуру тем, отраженных на плакатах и «говорящих» арт-объектах (n = 600). Одна и та же тема может быть представлена на одном и том же плакате, но, как это видно при сопоставлении процентных значений, пересечения тем незначительны.

1. Протест против В.В. Путина — 40 %. Портреты Путина с комментариями, обращения к нему. Фразы и образы, обыгрывающие высказывания Путина и др. (ил. 4а). Действующий президент Д.А. Медведев упоминается редко и почти всегда в паре с Путиным.

2. Протест против нечестных выборов — 20 %. Высказывания с требованиями честных выборов, перевыборов. Упоминания главы ЦИКа В.Е. Чурова, в том числе «псевдонимы» «Волшебник», «Чу» и др. Требования «вернуть голос» и т.п. (ил. 4б).

3. Протест против «Единой России» — 9,5 %. Обвинения партии, обращения к ней. Деформации подвергается эмблема партии, в том числе обыгрывается тема медведей (ил. 4в). Обыгрывается метафора «Партия жуликов и воров», в том числе в сокращенной форме «ПЖиВ».

---

[1] Данный показатель получен путем сопоставления полученной подборки (n = 600) с подборкой фотографий из Интернета (n = 301). При этом учитывались особенности составления обеих подборок и наличие плакатов, бывших в руках короткое время, но на момент фиксации уже спрятанных.

4. Прочие протестные высказывания — 30 %. Обвинения власти в целом. Требования честности и свободы слова. Среди них около 4 % высказываний, по нашему мнению, не относятся к актуальным событиям конфликта с властью. Например, таковы требования расследовать события октября 1993 г. или дать Далай-Ламе визу для въезда в Тибет.

5. «Неполитические» высказывания — 4,5 %. Впрочем, выделение данной группы как отдельной вызывает у нас сомнение, поскольку большинство нейтральных, неполитических высказываний, будучи вставлены в контекст политической акции, могут приобретать дополнительные смыслы. Так, если на ил. 5а неполитичность очевидна, то на ил. 5б юмористическая самопрезентация связана с понятием «свободы слова», а на ил. 5в пожелание «доброго утра» может быть воспринято как символ перемен.

Обращает на себя внимание недоброжелательное отношение протестующих лично к В.В. Путину: число предъявляемых ему претензий в два раза превышает число требований честных выборов. Высокий процент обвинений Путину на плакатах коррелирует с настроениями, выявленными с помощью социологических опросов.

На карнавальный характер протеста указывает достаточно высокая доля плакатов юмористического содержания — 49,3 %[1].

Отдельного упоминания заслуживает категория плакатов, являющихся откликами на актуальные высказывания руководителей государства. Источниками вдохновения для создателей плакатов стали фраза Д.А. Медведева, обращенная к В.Е. Чурову после выборов: «Вы же волшебник почти, Вас так некоторые лидеры партий называют» [Встреча 2011] (1 % плакатов); высказывания В.В. Путина, в которых он сравнивает участников протестных акций с бандерлогами[2] (7 %) и белые ленточки — с презервативами (5 %) [Стенограмма 2011]; обвинения в работе за деньги (2 %). Возможно, процент этих высказываний невелик, но они входят в число наиболее ярких и часто цитируемых. Опыт декабрьских митингов подсказывает, что руководителям государства стоит быть осторожными в выражениях, если они не хотят стать фольклорными персонажами.

Стилистически можно различить «традиционные» и «современные» плакаты. Плакаты в «традиционном» стиле можно

---

[1] Этот показатель получен как средняя величина из четырех экспертных оценок, данных сотрудниками отдела современного фольклора ГРЦРФ М.Д. Алексеевским, И.А. Бессоновым, Д.В. Громовым, С.В. Просиной. Разброс мнений оказался очень большим — от 25 до 73 %.

[2] Подробнее об этом см. в статье М.В. Ахметовой в данной подборке.

встретить, например, на акциях коммунистической направленности. Такие плакаты изготавливают люди старшего возраста, они достаточно многословны, информативны, но не афористичны, выполнены простым шрифтом, вручную (ил. 6а). Более современный стиль используется людьми среднего и юношеского возраста. Здесь чаще присутствует установка на афористичность, юмор, разнообразнее дизайн, нередко используется компьютерная техника (ил. 6б).

Для анализа массовых митингов декабря 2011 г. интересно сравнить их с событиями Оранжевой революции на Майдане Незалежности в Киеве в декабре 2004 г. Эти события происходили в культурно близкой среде, хотя и в уже достаточно отдаленной исторической перспективе. Самодельные плакаты тогда тоже присутствовали, но, насколько можно судить по оценкам очевидцев, фотоматериалам и исследованиям [Бріцина, Головаха 2005; Марценюк 2005; Лисюк 2005], увлечение плакатами было значительно меньше, чем сейчас. Мы предполагаем, что это обусловлено, помимо прочего, формированием так называемого Web 2.0 и соответствующим изменением установок на индивидуальную самопрезентацию. Под Web 2.0 понимается принцип подхода к сетевым информационным ресурсам, который предполагает максимальное привлечение пользователей к их наполнению. Иначе говоря, с начала 1990-х до середины 2000-х гг. Интернет использовался большей частью для получения информации, а позже пользователи все чаще стали сами выкладывать информацию в Сеть. Это связано с возникновением и расширением социальных сетей — LiveJournal (1999 г.), Facebook (2004 г.), В Контакте (2006 г.) и др. У пользователей сетей появилась привычка к самопрезентации в собственных аккаунтах — созданию визуальных объектов, текстов, флешмобов и др. Как нам кажется, именно установка на индивидуальную самопрезентацию, которую стимулирует Интернет нового поколения, обусловила большее число самодельных плакатов по сравнению с Майданом 2004 г. На это указывает и включенность участников митингов в интернет-коммуникацию, что отмечается социологическими опросами [Левада-Центр 2011; ВЦИОМ 2011].

По нашему мнению, еще одна причина повышения интереса к плакатам — общий рост интереса к обрядовости, наблюдающийся в современном обществе. Непрерывно развивается свадебная и праздничная ритуалистика, все более заметна стихийная обрядовость, связанная с городским ландшафтом. Возможно, презентация собственного мнения через изготовление плакатов является составной частью этого многогранного процесса.

Как бы то ни было, индивидуальный плакат как форма массовой самопрезентации проник на декабрьские митинги вместе с «неорганизованной» молодежью, плохо знающей традиции уличного акционизма, но зато привычной к самопрезентациям в Интернете.

Кричалки. На декабрьских митингах кричалки как жанр почти отсутствовали. Иногда стимулировать скандирование пытались выступающие; например, Илья Пономарев призывал исполнить старую левацкую речевку «Когда мы едины — мы непобедимы», а Борис Немцов — «Вор не должен сидеть в Кремле», «Россия без Путина!», «Мы победим!». Однако нельзя сказать, что это имело большую поддержку. 10 декабря попытки «заряжать» с мест еще были, 24 декабря — практически нет.

Такое невнимание к скандированию объясняется опять же характером толпы. Обычно кричалки эффективно исполняют слаженные группы по 100–500 человек, заранее подготовленные или имеющие настрой на подобного рода самовыражение. Не знакомые между собой одиночки и маленькие группы новичков такого настроя не имели. Не способствовало резонансу скандирования и «вытянутое» расположение митингующих. Бросается в глаза разное отношение к кричалкам на рассматриваемых нами митингах и на киевском Майдане 2004 г.: во втором случае они использовались очень широко. Но надо учесть, что в Киеве инициаторами стали как раз слаженные группы («Пора» и др.), прошедшие к тому же подготовку во время предвыборной кампании.

Ультраправые как организованная группа. Одной из организованных групп, оказавшихся на митинге 24 декабря, была группа ультраправых; костяк составляли активисты ДПНИ. Показательно их поведение, в значительной мере отличавшееся от поведения основной массы митингующих.

Прежде всего бросалась в глаза их организованность. Приход ультраправых на митинг, согласно объявлению на сайте ДПНИ, был назначен на час раньше его официального начала. Благодаря этому они расположились непосредственно рядом со сценой и старались активно влиять на происходившее там, засвистывая выступающих с помощью специально заготовленных свистков. У ультраправых были свои претензии к организаторам: к выступлению от них был допущен всего один оратор, не был включен в число выступающих А. Марцинкевич (Тесак), несмотря на то что накануне он занял одно из первых мест в интернет-голосовании за выступающих (ил. 7). Поэтому ультраправые старались прорваться к сцене и успокоились только тогда, когда выступил их представитель В. Тор.

Небольшая по численности группа (200–300 человек) благодаря своей организованности смогла максимально повлиять на ход мероприятия.

Самопрезентация организованных ультраправых по многим параметрам отличалась от самопрезентации основной массы неорганизованных протестующих. Здесь была максимальная плотность флагов, их скопление можно было увидеть издалека. Здесь скандировались речевки: их репертуар был невелик, но скандирование было регулярным и слаженным. Около 14 % ультраправых были в масках (ил. 8а, 8б). По сравнению с другими их акциями, где использование защитных масок может быть чуть ли не поголовным, это мало, однако на прочем пространстве митинга масок почти не было.

Афористичность самопрезентации. У нас сложилось впечатление, что афористичность высказываний отражает общий настрой акций, подобных митингам 10 и 24 декабря. Люди, добровольно пришедшие на митинг, стремятся выразить свою гражданскую позицию, и это определяет их склонность к продуцированию афористических реплик. Наиболее заметная форма высказываний — надписи на плакатах. Возможно самовыражение через скандирование кричалок (которое, как мы уже отмечали, в данном случае не прижилось). Наконец, внимательно наблюдая за происходящим в пространстве акции, можно услышать достаточно много выкриков, реплик афористического характера, как, например, следующие.

1. Во время митинга на Болотной площади лидеру фракции КПРФ в Мосгордуме, выступавшему со сцены, кричали: «Сдай мандат!» Видимо, выкрик показался удачным, поскольку то же кричали на проспекте Сахарова депутату от «Справедливой России», причем в разных местах площади одновременно. Впоследствии высказывание неоднократно воспроизводилось в Интернете.

2. М.М. Касьянов начал свою речь неожиданно экспрессивно и хриплым голосом. В одной из точек митинга закричали: «Джигурду со сцены!» (имеется в виду известный певец, обладающий хриплым голосом). Окружающие засмеялись, подхватили, но ненадолго.

3. Еще до начала митинга в рядах ультраправых, занявших места справа от сцены, прозвучало: «Русские — направо, евреи — налево». Сказано было вполголоса, реакции окружающих не вызвало.

На этих трех примерах видно, как афоризм, родившись, может быть подхвачен окружающими, а может тут же заглохнуть. Настроенность на афористичность проявилась, в частности,

в хэппенинге «Наш забор — ваше мнение» (ил. 3в); всем желающим предлагалось высказаться на нем, и «забор» оказался покрыт афоризмами, которые люди придумывали тут же. В отличие от декабрьских митингов, собравших новичков-добровольцев, в традиционных акциях настрой на афористичность заметен далеко не всегда и зависит от ряда факторов. Как минимум пришедшие на акцию должны иметь сильное желание высказаться, идеологический посыл акции должен брать их за живое.

В данной статье мы постарались показать, насколько изменился уличный акционизм в результате всплеска народной активности в декабре 2011 г. Окажутся ли эти изменения устойчивыми и к каким подвижкам в политической сфере это приведет, покажет время.

Библиография

102 тысячи 486 человек. Мы посчитали всех, кто прошел через рамки с часу до четырех дня // Livejournal «Новая газета». 2011. 25 дек. <http://novayagazeta.livejournal.com/469342.html. 25.12.2011>.

24 декабря. Митинг на проспекте Академика Сахарова // Новая газета. 2011. 24 дек. <http://www.novayagazeta.ru/politics/50259.html>.

Бріцина О., *Головаха І.* Карнавал революції // Критика. 2005. № 3. С. 17–20.

Встреча с Председателем Центральной избирательной комиссии Владимиром Чуровым // Сайт «Президент России». 2011. 6 дек. <http://президент.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/13860>.

[ВЦИОМ] Митингующие в Москве: кто, зачем и как вышел на проспект Сахарова в субботу? // Сайт ВЦИОМ. 2011. 27 дек. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112274>.

Громов Д.В. Движение «Наши»: 2007 год // Молодежные субкультуры Москвы. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 115–172.

Инженер-геодезист посчитал участников митинга на проспекте Сахарова // РИА–Новости. 2011. 24 дек. <http://ria.ru/society/20111224/525177803.html>.

[Левада-Центр 2011] Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря // Сайт Левада-Центра. 2011. 26 дек. <http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrya>.

Лисюк Н. Фольклор як політична зброя // Слово і час. 2005. № 11. С. 65–71.

Марценюк Т.О. Про що говорить Майдан: якісний контент-аналіз надписів на плакатах учасників «помаранчевої революції» // Наукові записки НаУКМА. 2005. Т. 46: Соціологічні науки. С. 60–65 <http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/naukma/Soc/2005_46/08_martsenyuk_to.pdf>.

Мимимитинг // Лента.Ру. 2011. 10 дек. <http://lenta.ru/articles/2011/12/10/meeting>.

Митинг 24 декабря: готовность № 1 // Радио Свобода. 2011. 23 дек. <http://www.svobodanews.ru/content/article/24431325.html>.

Митинг на Болотной заканчивается, собрав 25 или 100 тысяч участников // Газета.Ru. 2011. 10 дек. <http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/12/10/n_2130046.shtml>.

Националисты собрались на разрешенный митинг на Болотной площади // Агентство гражданской журналистики «Ридус». 2011. 11 дек. <http://www.ridus.ru/news/14615>.

Россияне об акциях протеста и прошедших выборах // Сайт Левада-Центра. 2011. 28 дек. <http://www.levada.ru/28-12-2011/rossiyane-ob-aktsiyakh-protesta-i-proshedshikh-vyborakh>.

Соколова А., Головина М., Семирханова Е. Бандерлоги на проспекте Сахарова: социологический портрет // Антропологический форум. 2012. № 16 Online. С. 127–134.

Стенограмма интервью «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» // Сайт «Правительство Российской Федерации»: Владимир Путин. 2011. 15 дек. <http://premier.gov.ru/events/news/17409>.

Траурный гимн // Каспаров.ru: Интернет-газета Гарри Каспарова. 2007. 3 дек. <http://www.kasparov.ru/material.php?id=475433E7C088D>.

Число участников митинга оппозиции в Москве достигло 29 тысяч человек // РИА-Новости. 2011. 24 дек. <http://ria.ru/society/20111224/525092953.html>.

Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы 1986–1989 гг. СПб.: Наука, 1993.

Иллюстрации[1]

Ил. 1. Митинг на проспекте Сахарова, снимок от сцены. Фото Е. Фельдмана, «Новая газета». <http://www.novayagazeta.ru/politics/50259.html>

а

б

в

Ил. 2. Волонтеры раздают символику митинга:
а) белые ленты; б) белые цветы; в) белые значки

[1] Фотографии 4б, 6а и 6б сделаны М.В. Ахметовой, остальные (кроме первой) принадлежат автору статьи.

а

б

в

Ил. 3. Формы самопрезентации: а) оригинальный костюм — человек в образе Гарри Поттера (отсылка к мему «волшебник» как синонимической замене В. Чурова); б) перформанс — бесплатная раздача презервативов в сувенирном исполнении (отсылка к высказыванию В. Путина, сравнившего белые ленточки с контрацептивами); в) хэппенинг: всем желающим предлагается высказать свое мнение на «заборе».

а

б

в

Ил. 4. Плакаты наиболее крупных тематических групп: а) против Путина; б) за честные выборы; в) против «Единой России» (обыгрывается образ медведя на эмблеме ЕР)

а

б

в

Ил. 5. «Неполитические» плакаты могут приобретать в контексте акции двойственный смысл

а

б

Ил. 6. Плакаты разной стилистики: а) пожилая женщина («традиционная» стилистика); б) молодая женщина (современная стилистика)

Ил. 7. Плакат в ультраправой части митинга

а

б

Ил. 8. Ультраправая часть митинга: имперские флаги и маски.
На ил. б надпись «Честные выборы? Не, не слышал»